

УДК 780:947.083/.084.632(571.62-2)
ББК 85.313(2 Рос)

В.А. КОРОЛЁВА

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА В ИСТОРИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ КОНЦА XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА (К 100-ЛЕТИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ХАБАРОВСКЕ)

Рассматриваются первые этапы истории музыкального образования в Хабаровске в контексте культурно-исторического процесса на Дальнем Востоке России. В том числе, на основе обнаруженных архивных документов автору удалось воссоздать важные эпизоды жизни и деятельности основателя музыкальной школы в Хабаровске польской аристократки, получившей образование в Парижской консерватории, Ядвиги Свенторжецкой. В другом случае, впервые становятся известными имена педагогов Хабаровского музыкального училища Никольского и Швейника, репрессированных в 1937 году.

Ключевые слова: музыка, музыкальное образование, история, Дальний Восток России, Хабаровск.

Начальные этапы становления и развития музыкального образования в дальневосточных городах имели много общего в динамике процесса и характеристике типов образовательных институтов. Прежде всего, стоит отметить возможность получения элементарных навыков приобщения к музыкальной культуре, которая была предусмотрена включением уроков музыки в программы учебных заведений Дальнего Востока. В церковноприходских школах приобщение к музыке проходило на уроках церковного пения. Однако в элитарных учебных заведениях, например в Кадетском корпусе Хабаровска, музыкальное образование было поставлено самым лучшим для того времени образом — занятия на различных музыкальных инструментах, прекрасный хор и оркестр, что способствовало воспитанию в будущих офицерах лучших качеств подлинных русских интеллигентов.

Собственно же музыкальные классы или музыкальные школы как первые ячейки музыкального образования складывались либо при любительских кружках и обществах, либо благодаря инициативе и профессиональным качествам прибывших из центра или западных регионов России музыкантов, желавших открыть свою школу. Последним обстоятельством чаще всего объясняется специфика зарождения музыкального образования в дальневосточных городах. Она обуславливалась, главным образом личными качествами музыкантов, выбравших по собственной воле или стечению обстоятельств для проживания Хабаровск или Владивосток, Благовещенск, или Читу.

Кроме того, обращение к жанру «истории музыкальной культуры Дальнего Востока в лицах» связано с необходимостью воскресить имена русских музыкантов, оставивших заметный след в культуре Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Музыкальная жизнь Хабаровска активизировалась в конце 1880-х — начале 1890-х годов по причине переноса сюда в 1884 году резиденции генерал-губернатора. Известно, что в 1896 году в Хабаровске было организовано Общество любителей сценического и музыкального

искусства, а с 1900 года начало свою деятельность Хабаровское литературно-музыкально-драматическое общество [1, с. 94]. Однако сведений об учреждении при этих обществах музыкальных классов не обнаружено.

Попытки открыть музыкальную школу в Хабаровске предпринимались неоднократно. В 1903 году помешали финансовые затруднения. В 1909 году вопрос считался почти решенным: ставка делалась на приезд музыкантов из Санкт-Петербурга, однако и эта попытка не привела к желаемому результату. И лишь в 1914—1915 годах самым значительным очагом музыкального образования в Хабаровске стала школа Ядвиги Чеславовны Свенторжецкой. Здесь обучали игре на рояле, скрипке, виолончели, пению; проходили курс теории музыки [2, л. 1]. Известно, что школа не испытывала недостатка в учениках из числа учащейся молодежи, гимназистов [3].

Любопытна не только история этой музыкальной школы, но и судьба госпожи Я.Ч. Свенторжецкой в период ее жизни и деятельности на Дальнем Востоке России. Изучение архивных документов позволяет представить, сколько испытаний пришлось выдержать этой мужественной женщине и как талант и сильный характер позволили ей не только преодолеть сложные жизненные перипетии, но и оставить значительный след в истории дальневосточной музыкальной культуры.

Для того чтобы открыть музыкальную школу в Хабаровске, Ядвига Чеславовна Свенторжецкая подала прошение на имя Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти. К своей просьбе она приложила копию удостоверения об образовании и составленный с большой тщательностью устав музыкальной школы. Обнаруженные архивные документы содержат ценные сведения, позволяющие получить представление не только о самой Свенторжецкой, но и понять механизм решения важной проблемы становления музыкального образования на окраине России.

Итак, во-первых, из содержания копии удостоверения об образовании удастся выяснить уровень музыкально-

го образования и профессиональных качеств педагога-музыканта, организатора школы, поскольку в документе указано: «Мы свидетельствуем, что госпожа Ядвига Цывинская (фамилия Свенторжецкой до замужества. — В.К.) прошла курс с нашими учениками и окончила курс нашей Парижской Консерватории, где она выдержала экзамен. В течение года она преподавала уроки музыки на рояле и на органе под нашим наблюдением. Госпожа Цывинская имеет право быть преподавательницей музыки на рояле и на органе, открывать музыкальные классы и давать концерты.

Директор Бертье Локур
Первый Профессор Гальярд
Приглашённый экзаменатор Пагаревский
Париж. 1 августа 1890 г.

У сего четыре печати Парижской Консерватории.
С французского языка перевел Нотариус, подписал А. Шульц.

Настоящая копия переведена мной с подлинника на французском языке, представленном мне, Александру Альбертовичу Шульцу, Хабаровскому Нотариусу, в конторе моей по Муравьево-Амурской улице в Доме Кровякиных, Ядвигой Чеславовной Свенторжецкой, урожденной Цывинской, причём я удостоверяю верность этого перевода и отсутствие в подлиннике каких-либо поправок, оговорок, подчисток и каких-либо особенностей».

Документ подписан хабаровским нотариусом А. Шульцем 10 августа 1913 года [2, л. 11].

Устав школы Свенторжецкой и приложенные к нему учебные программы поражают продуманностью и говорят о значительном опыте педагога и администратора, умевшего учитывать отсутствие глубоких культурных традиций и реальные возможности небольшого города [2, л. 1—2 об.] При этом Ядвига Чеславовна определяла задачи своей школы в возможности «изучать игру на фортепиано, скрипке, виолончели и других оркестровых инструментах, пение и теорию». В дополнение к овладению практикой игры на каком-либо музыкальном инструменте или искусством пения, учебные программы включали теорию и историю музыки, хоровое пение для всех учащихся, класс ансамблевой игры.

Для успешно оканчивающих школу учеников опытный организатор и педагог предусмотрительно ввела в обучение курс методики педагогической работы. И этот предмет, не встречавшийся в программах музыкальных педагогов, работавших в других городах Дальнего Востока, представляет особую ценность, как свидетельство заботы о воспитании столь необходимых кадров на российской окраине. Как опытный музыкант-педагог Я.Ч. Свенторжецкая предполагала и вероятность появления талантливых учеников-исполнителей и учла возможность для них готовиться к поступлению в консерваторию, обучаясь дополнительно на четвертом курсе.

Программы Я.Ч. Свенторжецкой охватывают широкий круг основных и вспомогательных дисциплин для всего спектра музыкальных специальностей в течение обучения на каждом курсе. Рекомендуемый педагогический репер-

туар в большей степени ориентирован на произведения известных в XIX веке европейских авторов музыкальной учебно-методической литературы. В то же время, пианистам старших курсов рекомендованы пьесы П.И. Чайковского и А.Г. Рубинштейна, а начинающим вокалистам — романсы М.И. Глинки и А.С. Даргомыжского [2, л. 3—7 об.].

Представленные в канцелярию генерал-губернатора документы свидетельствуют о весьма солидной репутации госпожи Свенторжецкой в качестве музыканта-исполнителя и педагога-организатора. Однако от подачи прошения до официального разрешения деятельности музыкальной школы в определенном статусе учебного заведения прошло немало времени. Какие же предпринимались действия со стороны генерал-губернатора, каковой была его реакция на обращение просительницы?

Ответы на эти вопросы можно получить, проанализировав содержание официальных циркуляров, распоряжений и кратких записок на их полях, сделанных рукой самого Н.Л. Гондатти, что свидетельствует о понимании высоким чиновником всей важности факта обсуждаемой инициативы, позволяет судить о последовательности и стратегической дальнорзкости культурной политики генерал-губернатора [2, л. 12, 12 об., 14, 14А].

Прежде всего, в начале февраля 1914 года генерал-губернатор Н.Л. Гондатти издает приказ о необходимости подготовки соответствующего экспертного документа и обращения для этой цели с письмом к дирекции владивостокского отделения Императорского Русского музыкального общества. Он подчеркивает, что цель обращения к Владивостокскому отделению Императорского Русского музыкального общества (ИРМО) состоит в необходимости профессионального анализа содержания представленного Я.Ч. Свенторжецкой устава школы и учебных программ. И учитывая высказанные предложения музыкантов отделению ИРМО о содержании устава и учебных программ, принять решение о возможности открытия музыкальной школы в Хабаровске [2, л. 14А].

В то же время, самостоятельно проанализировав представленные Свенторжецкой документы, генерал-губернатор в написанном собственной рукой обращении от 5 мая 1914 года за № 8843 на имя министра С.Ю. Витте сообщал: «Окончившая курс Парижской Консерватории Ядвига Свенторжецкая, проживающая в г. Хабаровске, обратилась ко мне с ходатайством об утверждении устава учреждаемой ею в этом городе музыкальной школы.

Представленный при этом Вашему Высокопревосходительству на усмотрение проект выработанного названной Свенторжецкой устава музыкальной школы в двух экземплярах вместе с прошением и копией документа о музыкальном образовании просительницы, выданном ей Парижской Консерваторией, сообщая, что с моей стороны ввиду настоятельной необходимости местного населения в правильно организованном музыкальном учебном заведении, к удовлетворению приведенного ходатайства просительницы препятствий не встречается» [2, л. 14]. Свое обращение к министру Н.Л. Гондатти снабдил шестью приложениями и учебными программами в двух экземплярах.

С высоты столетней исторической ретроспективы понятно, что всемогущий министр не высказал возражений по поводу удовлетворения просьбы Свенторжецкой и открывающейся для Хабаровска перспективы становления профессионального музыкального образования. Однако весьма существенные замечания по содержанию устава и учебных программ, разработанных Свенторжецкой, были сделаны со стороны Владивостокского отделения ИРМО в подробной и аналитически глубокой рецензии от 3 ноября 1914 года. Подписанная председателем дирекции П.Д. Добросмысловым, она была зарегистрирована в канцелярии Приамурского генерал-губернатора весьма быстро — уже 9 ноября 1914 года за № 23952 [2, л. 15].

И в данном случае представляется необходимым подчеркнуть авторитет эксперта. Широко известный на Дальнем Востоке музыкант Петр Дмитриевич Добросмыслов окончил Петербургскую консерваторию по классу профессора Л.Ф. Бема, и в 1909 году принял приглашение на работу в музыкальных классах отделения ИРМО. Солист (нередко выступал с сольной программой), ансамблист (первая скрипка в составе струнного квартета), дирижер хора и оркестра, организатор класса камерного ансамбля в музыкальных классах отделения ИРМО, председатель дирекции Владивостокского отделения ИРМО, музыкальный и общественный деятель, он много сделал для поднятия уровня музыкального образования и концертной деятельности в городе. К тому же, Петр Дмитриевич был статским советником и выполнял обязанности окружного ревизора таможни [4, с. 45]. Председатель Владивостокского отделения ИРМО П.Д. Добросмыслов писал (текст представлен в оригинальной авторской редакции. — В.К.): «Вследствие запроса от 15 сентября с/г за № 18488 Дирекция Владивостокского Отделения Императорского Русского Музыкального Общества имеет честь сообщить, что Художественный Совет преподавателей музыкальных классов при названном отделении, рассмотрев выработанные г. Свенторжецкой программы и условия предполагаемой к открытию ею в г. Хабаровске частной школы, нашел, что программы прохождения в этой школе учениками художественных предметов составлены в объеме программ, установленных для музыкальных классов при ИМПЕРАТОРСКИХ отделениях с незначительными, несущественными изменениями и вполне допустимы в школах подобного типа.

Что же касается до прав Свенторжецкой на открытие частной музыкальной школы, то о сем Художественный Совет высказался отрицательно, так как диплом иностранного высшего учебного заведения не дает права на открытие школ и классов без выдержания установленного экзамена при одном из высших учебных музыкальных заведений Российской Империи (применительно к изложенному в ст. 3717—3719 тома XI ч. I и прилож. к ст. 1516 п. 6 и след. того же тома).

Равным образом Художественный Совет высказался отрицательно и относительно права частной школы выдавать свидетельства об окончании курса школы, так как

выдача таковых, как имеющих своим следствием приобретение каких-либо прав для окончившего курс школы, частным школам не представлена и последние могут выдавать лишь удостоверения об окончании курса художественного предмета.

Вполне соглашаясь с мнением Художественного Совета, Дирекция имеет честь просить Канцелярию Приамурского Генерал-Губернатора доложить о сем Его Высочайшему Присовокуплению, присовокупляя при этом, что исполнение этой переписки задержалось за невозможностью рассмотрения до сего времени возбужденного перепискою вопроса об открытии школы Художественным Советом за выбытием из его состава трех преподавателей в действующую армию и одной преподавательницы по болезни. Председатель П. Добросмыслов» [2, л. 15—15 об.]

Для современников автора статьи, живущих в начале XXI века, упомянутое в документе «военное время», когда Россия испытывала потрясения, вызванные начавшейся Первой мировой войной, должно послужить важной «знаковой» деталью. Она свидетельствует о том, что зарождение профессионального музыкального образования в Хабаровске осознавалось всеми участвующими в решении данной проблемы сторонами как факт, имеющий особое значение для развития музыкальной культуры на Дальнем Востоке. С этой же позиции необходимо оценивать и содержащийся в представленной отделением ИРМО рецензии краткий комментарий с извинениями по поводу несколько затянувшегося решения вопроса владивостокскими музыкантами. П.Д. Добросмыслов объясняет это невольное затягивание решения вопроса отправкой на фронт нескольких музыкантов — членов Общества.

В результате обсуждения представленных в переписке мнений, к 30 декабря 1914 года был подготовлен документ, свидетельствующий о продуманном и компетентном решении: «Я.Ч. Свенторжецкая в течение почти двух лет содержит в г. Хабаровске музыкальную школу, которая, будучи единственным в городе учебным заведением данной специальности, пользуется известностью среди населения, и в школе получает музыкальное образование много детей, выступающих в качестве учеников г. Свенторжецкой в публичных концертах и на вечерах.

Владивостокское отделение Музыкального общества, на заключение которого посылался проект устава школы г. Свенторжецкой, по существу устава и программ не высказывается, находя их, с точки зрения музыкального образования, «вполне допустимыми». Этого, собственно, ответа и ожидала Канцелярия, не имея возможности высказать свое суждение по причине чисто специального характера.

Высказываемый Отделением Музыкального Общества далее взгляд касается чисто формальных сторон дела и, казалось бы, препятствием к удовлетворению просьбы Свенторжецкой об утверждении представленного ею устава служить не может.

Ссылаясь на ст. 3717—3719 т. XI ч. I и другие статьи этого закона, Отделение Музыкального Общества полагает, что Свенторжецкая как окончившая курс высшего учебно-

го заведения (Парижскую Консерваторию) за границей, не имеет права на открытие школ и классов без выдержания установленного испытания в России.

Статьи закона, на который ссылается Общество (ВО ИРМО. — В.К.), имеют в виду общее (подчеркнуто рукой Н.Л. Гондатти. — В.К.) образование, находящееся в ведении Министерства Народного Просвещения. О музыкальном образовании статьи эти не трактуют, да и не могут трактовать, так как музыка — космополитична и к ней требования подобного рода предъявлять не возможно.

Поэтому, принимая во внимание:

1. что устав школы Свенторжецкой и программы преподавания в ней с точки зрения музыкального образования приемлемы;

2. что согласно разъяснению Министра Внутренних Дел от 13 июня текущего года за № 19730 утверждение уставов подобных школ зависит от усмотрения Главного Начальника Края и

3. что школа Свенторжецкой уже второй год осуществляет в Хабаровске свою деятельность и нареканий на нее со стороны общества не имеется — казалось бы, представляется возможным удовлетворить просьбу г. Свенторжецкой об утверждении представленного ею устава и санкционировать, таким образом, дальнейшую ее деятельность.

В случае, если бы «Главный Начальник Края» изволил согласиться с изложенным выводом, в § 21-м устава следовало бы сделать изменение соответственно высказанному Музыкальным Обществом взгляду: заменить право выдачи школой свидетельств об ее окончании — выдачей удостоверений об окончании курса тех или иных предметов» [2, л. 16, 16 об., 17, 17 об.].

Высоко оценивая тщательно подготовленный работниками аппарата администрации Гондатти документ «на подпись губернатору», нужно отдать должное и профессионализму, проявленной объективности и уважению к мнению профессионалов-музыкантов со стороны генерал-губернатора и его советников.

В резолюции от 5 января 1915 года «Главный Начальник Края» высказал свое согласие с замечаниями музыкантов отделения ИРМО и утвердил подготовленный к концу 1914 года документ о разрешении Я.Ч. Свенторжецкой официально открыть частную музыкальную школу в Хабаровске. Нужно отдать должное и Я.Ч. Свенторжецкой, проявившей выдержку, настойчивость, тщательность в работе и умение организовать дело музыкального образования таким образом, что и горожане, и все участники эпистолярной дискуссии отмечали ее превосходные профессиональные качества.

Однако пребывание госпожи Свенторжецкой в Хабаровске было весьма недолгим. Из автобиографического очерка, приложенного к прошению Свенторжецкой об открытии музыкальной школы уже в другом городе — Новониколаевске, можно понять, что в Сибирь и на Дальний Восток Ядвига Свенторжецкая попала, следуя в ссылку за мужем. С началом войны он, видимо, был мобилизован в армию и в 1915 году погиб. Оставшись вдовой с четырьмя

детьми, эта стойкая женщина перебралась из Хабаровска в Новониколаевскую польскую колонию. Средств к жизни, кроме пенсии, у семьи Свенторжецких не было. Поэтому единственной возможностью выжить по-прежнему являлась организация частной музыкальной школы, то в Чите (четыре года), то в Хабаровске (почти три года), а затем и в Новониколаевске*. Известно, что набор в школу Свенторжецкой проводился в Новониколаевске в 1918 году далее сведений о ее деятельности не обнаружено [5, с. 425, 426]. Предположение сибирских исследователей о выезде Я.Ч. Свенторжецкой с детьми из Новониколаевска в Польшу [5, с. 426] во время захвата власти в городе чешскими легионерами во главе с капитаном Гайдой в 1918 году документальных свидетельств не имеет. И дальнейшая судьба замечательной женщины, отдавшей так много сил и таланта становлению музыкального дела в городах Дальнего Востока и Сибири, остается неизвестной.

Вместе с тем дело, начатое в Хабаровске Я.Ч. Свенторжецкой, было продолжено другими музыкантами. Еще в ее бытность в ноябре 1916 года здесь начала работу частная музыкальная школа скрипача Г. Гобля [6, с. 41]. Однако подробных свидетельств деятельности этой школы обнаружить не удалось.

После октябрьских событий 1917 года динамика развития музыкальной школы как наиболее распространенного типа музыкального заведения в Хабаровске обрела и качественные показатели. Уже в декабре свою музыкальную школу открывает прибывший на Дальний Восток блестящий пианист и опытный педагог, основатель и бывший директор Екатеринодарского государственного музыкального училища, преподаватель Ростовской консерватории А.М. Рутин. Кроме специального фортепиано в обязательные предметы были включены элементарная теория, сольфеджио, музыкальный диктант, класс совместной игры, хоровой и оперный классы [7, 1917, 2 дек.].

А в январе 1918 года открылась музыкальная школа, учрежденная музыкально-драматическим кружком при Союзе учащейся молодежи Хабаровска. Школа работала под руководством члена Общества любителей музыки Ладислава Матвеевича Кайгля. Педагогический коллектив состоял из бывших австро-венгерских военнопленных, осевших в городе чешских музыкантов: класс рояля — Л.М. Кайгель, Полгак, скрипка — проф. Бурле, проф. Флек, Шефер и Шмидт, альт — Гольцер, пение — проф. Бурле, проф. Горжава, Шейфлер, теория — проф. Бурле, флейта — Рубин. Были открыты классы духовых и народных инструментов [7, 1918, 14 янв.].

Большую роль в становлении музыкального образования в Хабаровске сыграла и концертная деятельность известных российских музыкантов. Так, осенью 1920 года здесь с концертами выступил пианист П.М. Виноградов. Чтобы по достоинству оценить масштаб этого события в

* 12 февраля 1926 года Постановлением ЦИК СССР утверждается решение Краевого съезда Советов о переименовании Новониколаевска в город Новосибирск.

музыкальной жизни города, необходимо упомянуть о том, что Виноградов еще в 1897 году, будучи одиннадцатилетним мальчиком, без вступительного экзамена был принят в Парижскую консерваторию, где два года обучался по классу фортепиано. А затем поступил в Московскую консерваторию для совершенствования музыкального мастерства у выдающегося пианиста, профессора Константина Николаевича Игумнова. Павел Виноградов был лучшим среди окончивших Московскую консерваторию в 1911 году. Позднее талантливый пианист с большим успехом выступал в Москве, гастролировал по крупным городам России. Его мастерство высоко оценила избалованная столичная петербургская публика.

И, наконец, осенью 1920 года П.М. Виноградов дал цикл общедоступных просветительских лекций-конcertов в Народном Доме во Владивостоке и в Хабаровске. Начало подобному концертному жанру было положено еще в 1885—1886 годах А.Г. Рубинштейном. Выдающийся отечественный композитор и пианист выступил в Петербурге, Москве и ряде городов Европы с «Историческими концертами», идея которых заключалась в пропаганде музыкального искусства на примере зарождения и развития фортепианного творчества и исполнительства. Таким образом, П.М. Виноградов стал продолжателем этой прекрасной традиции просветительства, но уже в условиях российского Дальнего Востока [8].

Большой успех в Хабаровске имели концерты владивостокского музыканта, преподавателя музыкальной школы Я.А. Плошки (скрипка) и знаменитого педагога Петербургской консерватории А.В. Вержбиловича (виолончель). Интенсивную концертную деятельность в Благовещенске, Хабаровске и Владивостоке вели певица М. Похитонова и скрипач из Благовещенска Ф. Фольбер.

В период с 1917 по 1922 год на Дальнем Востоке, как и по всей России, мощным очагом музыкального просвещения и начального образования становится Народная консерватория, наиболее адекватно отвечающая процессу демократизации музыкального образования и музыкальной культуры в целом. Этот тип музыкального учебного заведения оказался наиболее востребованным еще с открытия таких консерваторий в Москве (1906) и Петербурге (1908). А в течение второго десятилетия XX века Народная консерватория, бесспорно, заняла позицию лидера среди всех типов музыкальных учебных заведений России как по финансовой доступности обучения, так и по количеству учащихся. Уже в декабре 1917 года во Владивостоке разрабатывается план создания Народной консерватории при Народном доме. Народная консерватория и музыкальная школа почти одновременно были созданы на протяжении 1918 года в Хабаровске. Большую педагогическую помощь хабаровской Народной консерватории оказывали преподаватели музыкальной школы, члены музыкального кружка, музыканты симфонического оркестра, созданного еще в 1916 году из пленных австро-венгерских музыкантов, затем пополнявшегося приезжими музыкантами и любителями. Оркестр состоял из

50 профессиональных музыкантов под управлением бывшего дирижера петроградского Мариинского театра, лауреата Лейпцигской консерватории В.В. Волчка. В 1921 году Народная консерватория открывается и в Чите; причем Читинская консерватория получает статус государственной и столичной в Дальневосточной республике.

Дальневосточные народные консерватории благодаря широкому охвату дисциплин в учебных программах, обучению игре на различных музыкальных инструментах, высококвалифицированной работе педагогического коллектива вплотную приблизились к профессиональному учебному заведению начальной ступени. Созданные при Народных консерваториях инструкторские курсы (с целью быстрой подготовки учителей музыки для общеобразовательных школ, кружков, студий и т. д.) в своей работе руководствовались теми педагогическими принципами, которые были разработаны и апробированы в такого типа музыкальных учебно-просветительных заведениях еще в дореволюционный период их деятельности [9; 10]. Поэтому содержание и механизм деятельности дальневосточных народных консерваторий в процессе широкой демократизации музыкального образования существенно расширили возможности и повысили уровень начального образования в дальневосточных учебных заведениях.

Все региональные музыкальные учебные заведения становились мощнейшими очагами дальневосточной художественной культуры, так как вели интенсивную массовую просветительскую деятельность. Даже экзамены учащихся многих музыкальных учебных заведений выполняли просветительскую функцию публичных концертов, а частые и регулярные выступления преподавателей помимо эстетического воздействия на широкую слушательскую аудиторию оказывали и большое педагогическое влияние на учеников. Кроме того, ни одно событие в общественной и культурной жизни города и региона не проходило без участия преподавателей и учащихся музыкальных школ или консерваторий. Каждый митинг, собрание, лекция «О текущем моменте» дополнялись концертом музыкантов — педагогов и учащихся.

Точный количественный и социальный состав учащихся в период 1917—1922 годов установить невозможно. Известно, что лишь во владивостокской Народной консерватории в 1921 году обучалось 60 человек и обучение было бесплатным [10]. Однако в связи с политической и экономической нестабильностью музыкальное образование в целом продолжало оставаться платным. Так, в 1918 году в хабаровской музыкальной школе установленная ежемесячная плата за обучение составила: фортепиано, 1-й класс — 12 рублей, 2-й класс — 14, старшие классы — 16; скрипка — 6, альт, виолончель, контрабас — 8, сольное пение — 5, хоровое — 1, флейта — 8 рублей, теория музыки — 50 копеек [7, 1918, 14 янв.].

В период перехода к новой экономической политике и введения хозрасчета Хабаровская Народная консерватория и музыкальная школа были закрыты по причине

финансовой несостоятельности. Такая же участь постигла народные консерватории и музыкальные школы в других дальневосточных городах.

Однако, в соответствии с проводимым там, как и по стране в целом, реформированием системы музыкального образования, а также в связи с необходимостью готовить кадры для формирующегося в 1925 году Музыкального театра в Хабаровске вновь была открыта музыкальная школа со специальными курсами для взрослых. Затем эти курсы были преобразованы в музыкальный техникум, а с 1937 года — в музыкальное училище [11, с. 365]. В докладной записке «О состоянии искусства в Дальневосточном крае», впервые обнаруженной автором данной статьи в фондах РГАЛИ, отмечалось, что в сентябре 1937 года в Хабаровском музыкальном училище обучалось 108 студентов [12].

Этот документ был составлен на основании проведенной кампании по разоблачению «вредительской» деятельности «классово чуждых элементов», «шпионов» и «врагов народа» Никольского и Швейника, «проникших» в штат преподавателей Хабаровского музыкального училища. После «разоблачения» эти педагоги были отстранены от работы и вскоре арестованы. А ретивый «судья» требовал провести «проверку работы и вредительских установок и действий Никольского и Швейника в музыкальном училище» [12].

Опасаясь неминуемых последствий, сестра супруги «врага народа» Ф.И. Швейника, с 1935 года возглавлявшая вокальное отделение Хабаровского музыкального училища, была вынуждена спешно покинуть город. Это была превосходная певица Роя Эммануиловна Красинская, вернувшаяся в советскую Россию из Парижа, где пела в оперных спектаклях вместе с Ф.И. Шаляпиным. Благодаря сольным концертам Р.Э. Красинской и выступлениям учеников ее класса стремительно рос поток желающих овладеть вокальным искусством в музыкальном училище Хабаровска. Однако работать в Хабаровске Рое Эммануиловне пришлось лишь в течение учебного года [13]. Начавшийся трагический период «идеологических чисток» привел к значительному регрессу всей сферы музыкального образования в Хабаровске и других дальневосточных городах.

Подводя итоги, необходимо отметить, что история музыкального образования в Хабаровске стала зеркальным отражением всех сложностей «культурообразующего фактора региональной истории»: социальных катаклизмов Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, политических переворотов; реформ и особенностей государственной культурной политики в «императорский» период; политической нестабильности и либерально-демократических условий Дальневосточной республики на протяжении краткого пятилетия 1917—1922 годов; необдуманных отказов от опыта и традиций европейской и российской музыкальных школ, провоцировавших вал трагических идеологических «чисток» в советские 1930-е годы.

Специфика социокультурной ситуации каждого этапа способствовала то взлету, то падению динамики

историко-культурного процесса, что в целом негативно отразилось на системе музыкального образования в городах российского Дальнего Востока и выразилось в прерывистом и фрагментарном характере ее развития. Но, несмотря на сложные политические, социальные и экономические процессы, разрывавшие поступательный ход развития не только системы музыкального образования, но и всей отечественной культуры, сами музыканты своей созидательной творческой, исполнительской и педагогической деятельностью неизменно способствовали плодотворному развитию культурной среды в дальневосточных городах.

Среди музыкантов, оставивших свой яркий след пребывания в Хабаровске, невольно выделяются имена тех, на чью творческую биографию повлияло обучение или артистическая деятельность в Париже, Москве, Петербурге. После «хабаровского эпизода» артистическая и педагогическая деятельность некоторых из этих незаурядных музыкантов (к примеру, П.М. Виноградова, А.М. Рутин) продолжилась в Токио, Киото, Кобе; у многих других, покинувших Владивосток, Благовещенск или Читу, — в Харбине, Шанхае и других центрах культуры Русского зарубежья, в городах Европы, Америки.

В истории дальневосточной музыкальной культуры заняли свое достойное место феномены «Музыкальной школы Я.Ч. Свенторжецкой», «Школа фортепианной игры П.М. Виноградова», «Школа пианиста А.М. Рутин». Но сколько имен еще предстоит открыть.

Список литературы

1. Монахова С. Близкий Дальний Восток // Советская музыка. — 1987. — № 12.
2. РГИА ДВ. (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). Ф. 702. Оп. 3. Д. 485.
3. Адрес-календарь Дальнего Востока на 1914 г. [б/м; б/г]. Отд. 3. Л. 166.
4. Вайман Л.А. История Императорского Русского Музыкального общества и его влияние на музыкальную культуру Владивостока // Музыкальная культура Дальнего Востока. Материалы региональной научно-практической конференции. — Хабаровск, 2001.
5. Музыкальная культура Сибири: В 3 т. Т. 2. Музыкальная культура Сибири от походов Ермака до Октябрьской революции. Кн. 2. Музыкальная культура Сибири второй половины XIX — начала XX века / Комитет по культуре Администрации Новосибир. обл.: Новосиб. гос. консерватория им. М.И. Глинки. — Новосибирск, 1997.
6. Дьябелло Л.А. Фортепианная культура Сибири и Дальнего Востока: дис. ... канд. искусствоведения. — Л., 1989.
7. Приамурская жизнь. — Хабаровск. — 1917 [2 дек.], 1918 [14 янв.].
8. Воля. — Владивосток. — 1920. — 16 окт., 21 нояб.
9. Забайкальский рабочий. — Чита. — 1968. — 4 авг.
10. Красное знамя. — Владивосток. — 1921. — 21 янв.
11. Кузнецов М.С. Дальневосточная партийная организация в борьбе за осуществление задач культурной революции (1928—1937 гг.). — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1971.
12. РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 22. Д. 35. Л. 4.